

Данная для народнаго календаря Смоленской губерні въ связи съ народными вѣрованіями.

До сихъ поръ народъ живетъ, сообразуясь не съ писаннымъ, а со своимъ календаремъ, завѣщаннымъ ему глубокой стариной и переходящимъ отъ предковъ къ потомкамъ. Содержаніе этого календаря обширно и разнообразно; въ составъ его входятъ: народная поэзія и сопутствующіе ей обряды; обычаи полуязыческаго, полухристіанскаго характера, пріуроченные къ большимъ праздникамъ, языческія молитвы или заговоры, произносимые въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ, различныя примѣты и гаданія относительно погоды, урожая, уборки хлѣба, наблюденія надъ царствомъ животнымъ и растительнымъ, не лишены часто поэтическаго характера. Источниками народнаго календаря служатъ съ одной стороны мѣстныя преданія, которыя видоизмѣнились подъ вліяніемъ христіанства и получили характеръ апокрифическій, характеръ полувѣрія; съ другой стороны, народъ черпаетъ данныя для своего календаря изъ непосредственныхъ наблюденій надъ природой.

Ведя земледѣльческій и пастушескій образъ жизни, занимаясь то пчеловодствомъ, то рыболовствомъ, то охотой, народъ близко соприкасается съ природой и является тонкимъ наблюдателемъ природы: самыя незамѣтныя ея явленія часто не ускользаютъ отъ зоркаго глаза мужика. Природа для простаго человѣка—живая и притомъ сельскохозяйственная справочная книга, сельскохозяйственный календарь: по своему онъ читаетъ ее, находитъ для себя полезныхъ агрономическихъ и метеорологическихъ указателей въ птицахъ, звѣряхъ, деревьяхъ, насѣкомыхъ.

Своеобразно объясняя происхожденіе животныхъ, звукоподражая голосамъ ихъ и толкуя значеніе голосовъ, простой человѣкъ иногда совершенно произвольно устанавливаетъ связь между мельчайшими явленіями природы, сосуществующими въ пространствѣ и времени.

Крестьянинъ рѣдко высказываетъ свое восхищеніе по поводу красоты природы, да и ему, углубленному въ свои занятія, некогда интересоваться эстетической стороной ея. Но свѣжее поэтическое чутье и горячая любовь къ природѣ просвѣчи-

вають сами собою въ календарныхъ наблюденіяхъ надъ природой, а особенно въ звукоподражаніяхъ.

Звукоподражанія голосамъ животныхъ, помимо того, что они отлично улавливаютъ звуки птицъ посредствомъ одного слова, предложенія или пѣсни (ими пользовались извѣстные поэты и орнитологи),—звукоподражанія знакомятъ насъ съ субъективнымъ настроеніемъ человѣка, съ душевнымъ настроеніемъ земледѣльца, пастуха, пчеловода, охотника или рыболова, когда онъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ извѣстную пору года, мѣсяца, слышитъ голосъ звѣря, птицы, лягушки.

Жужжанье пчелъ, жуковъ и комаровъ для мужика не мертвый и не непонятный звукъ; у мужика и травка, и овесъ пищитъ послѣ майскаго дождика и припара,—дерётся, тянется изъ земли и пищитъ.

Звукоподражанія, различныя хозяйственныя метеорологическія наблюденія и замѣчанія часто пополняются легендами и разсказами о происхожденіи того или другого животнаго, всякаго рода повѣрьями.

Появленіе животныхъ въ извѣстное время года, а также исчезновеніе ихъ, имѣетъ для крестьянина знаменательное значеніе; онъ по своему истолковываетъ, по своему понимаетъ голоса звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, обращается особенно къ весеннимъ прилетѣвшимъ птицамъ «вѣрять» съ пѣснями, съ разными поэтическими присловіями. Во время прилета птицъ крестьянскими дѣтьми выполняются особыя игры. Самыя клички и названія животныхъ часто представляютъ собою имена звукоподражательныя и стоятъ въ связи со звуками, издаваемыми животными. Много различныхъ повѣрій мѣстческаго и апокрифическаго характера приурочивается народнымъ календаремъ къ большимъ праздникамъ и извѣстнымъ днямъ года.

Къ календарнымъ примѣтамъ и повѣрьямъ, сопровождающимся часто различными обычаями, обрядами, играми, народъ относится съ глубокимъ уваженіемъ; онъ твердо ихъ помнитъ, завѣщаетъ ихъ потомкамъ, считаетъ грѣхомъ подвергать своей критикѣ. Поэтому, многіе предрасудки поддерживаются даже тогда, когда внутренній ихъ смыслъ утраченъ и позабылось ихъ мѣстологическое основаніе. Запрещено, напримѣръ, производить нѣкоторыя работы во время такъ называемыхъ кривыхъ недѣль. Народъ не старается докопаться, откуда вышло такое запрещеніе, и не знаетъ, кто будетъ преслѣдовать его за извѣстную работу въ недозволенное время. Но народъ увѣренъ, что отступившій отъ общепринятаго обычая будетъ наказанъ неслѣдственно и притомъ наказанъ опредѣленнымъ образомъ.

Обо многихъ повѣрьяхъ народъ знаетъ больше и приводитъ ихъ въ связь съ сказаніями о мѣстологическихъ существахъ, и сейчасъ существующихъ. Народъ ясно себя представляетъ и внѣшній обликъ, и внутренній характеръ

этихъ существъ; онъ знаетъ ихъ желанія, знаетъ, за что они наказываютъ, знаетъ, за что поощряютъ; ему извѣстно и то, съ какими молитвами и дарами слѣдуетъ къ нимъ обращаться, умилостивлять ихъ, если они разгнѣваются.

Вѣра въ существованіе демоническихъ существъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на народную психологію и народное творчество.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя извѣстный опредѣленный типъ мѣстическихъ существъ завѣщанъ, такъ сказать, преданіемъ, однако, разъ такія существа живутъ и вмѣшиваются въ различныя дѣла людей и людскія отношенія и даже воочію являются различнымъ лицамъ, понятно, лица, имѣвшія-де съ ними дѣло и рассказывающія, что видѣли ихъ, въ характеристику ихъ вносятъ нѣкоторыя черты индивидуальнаго творчества.

Мѣстологическія вѣрованія играютъ большую роль въ народной психологіи и народной жизни. Благодаря, быть можетъ, этимъ вѣрованіямъ, психическія болѣзни въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ выражаются преимущественно въ однихъ и тѣхъ же формахъ помѣшательства.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ельнинскаго и Рославльскаго уѣзда населеніе иногда склонно думать, что стремленіе къ поджогамъ, убійствамъ внушаются какою-то нечистою силою, и видимые демонами люди посягали на самоубійство.

По повѣрью крестьянъ Рославльскаго уѣзда (около Рославля), если повѣсившійся стоитъ на колѣняхъ, онъ повѣсился въ слѣдствіе внушенія домового или лѣсового. По мнѣнію крестьянъ деревни Рудни, Ельнинскаго уѣзда, грѣхъ отцѣпить повѣсившагося и избавить его отъ смерти; за это кто-то во снѣ не даетъ покою; слышится голосъ. «Зачѣмъ ты отцѣпилъ его! Зачѣмъ ты увѣлъ отъ насъ?»

Посредниками между обыкновенными смертными и существами мѣстическими являются знахари и колдуны. Они то насылаютъ, то прогоняютъ злыхъ духовъ и различныя болѣзни, входятъ въ сношенія съ міромъ сверхъестественнымъ и получаютъ свое вдохновеніе изъ міра сверхъестественнаго, отъ лѣсовыхъ и домовыхъ. Колдуны являются носителями языческихъ преданій и, въ знакъ этого, отрекаются отъ христіанства. Заговоры знахарей имѣютъ характеръ апокрифическій; знахари слывятся часто въ народѣ людьми набожными, благочестивыми и доброжелательными. То, что знаютъ знахари, отъ людей они не таятъ и даже считаютъ своею обязанностью передавать свое званіе младшимъ себя; свѣдѣнія знахарей раздѣляются въ извѣстной степени толпою и составляютъ особаго рода дополненіе къ тому, что знаетъ по своей профессіи опытный пастухъ, земледѣлецъ, пчеловодъ: всѣ эти спе-

ціалісты являюцца какъ бы жрецамі въ сваємъ дѣлѣ, и дѣдять и колдуюць пастухи по преимуществу.

Но и окаменѣлыя народныя вѣрованія оказываюць вліяніе на народную жизнь и народную психологію. Они не такъ заразительны, не такъ легко сообщаются другимъ людямъ велѣдствіе нервнаго сочувствія, но порождаюць извѣстнаго рода мнительность, сопровождающуюся дурными послѣдствіями, особливо у женщинъ въ періодъ беременности.

Въ составъ народнаго календаря входятъ данныя, опирающіяся на живыя болѣе или менѣе обоснованныя народныя вѣрованія и данныя (повѣрья, обычаи, обряды), принимаемыя безусловно, ключъ къ объясненію которыхъ затерялся въ современномъ сознаніи народа.

Изложенію тѣхъ и другихъ данныхъ народнаго календаря я предпошлю статью о колдунахъ и демоническихъ существахъ, признаваемыхъ и нынѣ, и укажу, такимъ образомъ, на какое мифическое основаніе опираются нѣкоторыя повѣрья и заговоры, къ которымъ они поддерживаются и распространяются, на какую среду и какъ именно они воздѣйствуютъ.

Домовой.

По мѣннію народа, существуютъ и сейчасъ домовые, домовицы или домахи, гуменные, банные, лѣсовые, моховые, водяные, русалки.

Они и теперъ живутъ и вмѣшиваются въ людскія дѣла и отношенія.

О происхожденіи этихъ духовъ народъ сообщаетъ различныя легенды.

Ноею ¹⁾ Богъ приказалъ показать Ему всѣхъ своихъ дѣтей; Ной утаилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: «совѣстно было тащить къ Богу большую араву». Скрытыя Ноемъ дѣти сдѣлались темною силой: домовыми, полевыми, лѣсовыми, водяными.

По другому мѣннію, домовые, лѣсовые и др. падшіе духи, низвергнутые Богомъ съ неба: «были они очень надоедливы, ходили по пятамъ Бога — Богъ ихъ и турнулъ съ неба».

По повѣрью крестьянъ Спасъ-Волженской волости, Вяземскаго уѣзда, Господь назвалъ всѣхъ невѣрныхъ ангеловъ агелами и велѣлъ Михаилу архангелу посогнать ихъ съ неба. Сверженные летѣли съ неба сорокъ дней и сорокъ ночей: кто попалъ во дворъ, кто въ лѣсъ, иные на гумно, иные въ баню, иные въ поле, иные въ мохъ: кто куда попалъ, тотъ тамъ и остался хозяиномъ.

¹⁾ По другой легендѣ Адаму.

По повѣрью крестьянъ с. Богоявленя Сычевскаго уѣзда, бѣсы ²⁾ похожи на человѣка, но только покрыты длинными, косматыми черными волосами и живутъ въ разныхъ мѣстахъ: домахъ, лѣсахъ, водахъ, овинахъ, баняхъ, и называются лѣсовиками, домовниками, банниками, овинниками. Въ лѣтнее время, въ двѣнадцатомъ часу дня, всѣ бѣсы сходятся вмѣстѣ на берега рѣкъ, озеръ; поэтому, народъ въ упомянутый часъ дня боится купаться въ рѣкахъ и мыться въ баняхъ изъ опасенія, чтобы не погибнуть отъ бѣсовъ.

Домовые съ виду похожи на людей; нѣкоторые полагаютъ, что у нихъ есть сходство съ хозяиномъ дома.

Домахами или домовихами называются супруги домовыхъ; у домовыхъ бывають и дѣти.

Домовые и домахи являютя въ бѣлой одеждѣ; у домахъ на головѣ древне-бѣлорусскій уборъ наметка.

Незримо отъ людей, въ людскихъ жильяхъ, ведутъ домовые свое существованіе, пьютъ, ѣдятъ, скорбятъ и радуются, рождаются и умираютъ.

Главное мѣстопребываніе домового—въ хатѣ за припечкомъ; онъ же бываетъ и подъ печкой въ печурѣ. „Вылѣзь, какъ чура изъ печуры“. Народная поговорка.

Домовые насъ видятъ, а мы ихъ нѣтъ.

Прежде люди часто видѣли домовыхъ, потому что были достойнѣе, и теперь достойнымъ людямъ показываются домовые, только большею частію въ полночь, въ минуту всеобщей тишины, всеобщаго спокойствія.

Бывають случаи, что домовые вступаютъ въ незаконную связь съ женщинами; отъ такихъ то связей рождаются колдуны.

У домахи такія же наклонности и занятія, какія у домовитой хозяйки-крестьянки: она трудолюбива и хозяйственна, любитъ чистоту и отъ всей души ненавидитъ грязь, лѣнь и беспорядокъ; она прядетъ, тчетъ, вышиваетъ и ухаживаетъ за скотомъ.

Въ осенній вечерокъ баба спряталась отъ проливного дождя въ баню; идетъ послѣ нея въ полночь домаха, простоволосая, вся въ бѣломъ и въ бѣлой наметкѣ. Баба забралась на самый верхъ и вершокъ открыла, чтобы все-таки не такъ страшно было, чтобъ свѣтъ Божій видѣть. А домаха рас-

²⁾ По мнѣнію крестьянъ села Богоявленя, бѣсы раздѣляются на старшихъ и младшихъ. Старшіе посылають младшихъ къ людямъ собирать дань за грѣхи. Крестьяне, какъ и мѣщане, какъ бѣдный народъ, не могутъ уплатить бѣсамъ большой дани за свои грѣхи, потому они, по желанію бѣсовъ, часто замерзають, опиваются и подвергаются многимъ другимъ наказаніямъ. Дворяне, купцы и духовные весьма мало наказываются бѣсами, такъ какъ первые выкупають свои грѣхи деньгами, а послѣдніе, т. е. духовные—молитвами.

положилась внизу, на нижней полочкѣ и принялась ткать, дѣлала свое дѣло, словно не замѣчая бабы; откуда и красны у нея явились, загремѣли, застучали—и пошла работа.

— „Что ты видишь въ вершокъ, баба?“

Спросила, наконецъ, домаха.

— Вижу я дуброву; слышу: шумить дуброва и чьи-то дѣти плачуть.

— „Такъ это мои дѣти“,—воскликнула домаха; порывисто поднялась съ мѣста, подхватила красна и побѣжала къ дубровѣ. Баба отъ души была рада.

Другой бабѣ случилось своимъ платьемъ прикрыть ребенка домахи; она же угодила домахѣ и тѣмъ, что попарила ее въ банѣ; за все это крестьянка получила отъ „хозяйки“ длинную трубку полотна. Баба рѣзала полотно, сколько хотѣла, а трубокъ все конца не было.

Но въ дарахъ домовыхъ есть непремѣнно какая нибудь закавыка.

Домаха приказала бабѣ пользоваться трубкой полотна, не развертывая ее. А баба пожелала удовлетворить свое любопытство. Какъ развернула баба полотно, такъ и трубка исчезла, словно не бывало ея.

Домовые и домахи ведутъ знакомство съ гуменными, полевыми и лѣсовыми; они же состоятъ нерѣдко во взаимномъ сродствѣ или свойствѣ. Встрѣчается жнея съ какою-то простоволосой, въ бѣлой одеждѣ, женщиной (вѣроятно, лѣсовихой), и та проситъ жнею передать домахѣ, что умерла поляха.

Баба идетъ домой, ужинаетъ и за ужиномъ передаетъ семьѣ, что какая-то бѣлая женщина велѣла ей передать домахѣ, что умерла ея знакомая поляха. Въ это время всѣмъ присутствующимъ въ хатѣ стало жутко отъ страха, попритихли всѣ; кто-то всплеснулъ ладонками, и подъ печью жалобно застонало и завывало.

Старый дѣдушка домовый (онъ представляется многимъ очень старымъ почтеннымъ старичкомъ и съ длиною бородою) радѣетъ о хозяйскомъ добрѣ и близко къ сердцу принимаетъ всѣ хозяйскіе интересы; онъ всюду суетъ свой носъ, до всего ему дѣло.

Ночью онъ ухаживаетъ за лошадьми и рогатымъ скотомъ, раздаетъ имъ сѣно, овесъ, заплетаетъ лошадямъ гривы, гладитъ любимую лошадку по спинѣ, отчего та съ пріятностію вытягиваетъ шею, становится на колѣни и ложится.

Но надо задабривать домового, надо сообразоваться съ его вкусами. Чтوبъ домовому понравилась скотина, она должна быть извѣстной масти.

Полагаютъ нѣкоторые, что хозяинъ долженъ пріобрѣтать лошадей и коровъ по масти, напоминающей цвѣтъ собственной бороды—это домовому по вкусу, и такія коровы и лошади придутся по двору и поведутся.

Домовой любитъ хозяевъ и хозяекъ трудолюбивыхъ, кроткихъ и трезвыхъ; замѣчено, что всѣ дѣйствія ихъ ему нравятся.

Домовой бываетъ золь и невыносимо капризентъ.

Нелюбимыхъ лошадей онъ замучиваетъ, раскатываетъ на нихъ верхомъ цѣлую ночь да путаетъ имъ гриву. Подойдя къ хлѣву или къ конюшнѣ ночью, сразу можно замѣтить, сердитъ ли домовой или живетъ въ ладу съ хозяиномъ. Въ первомъ случаѣ лошади стоятъ непокойно, фыркаютъ и стучать копытами; видъ у нихъ изнуренный, испуганный; онѣ подъ потомъ.

Разсерженный „хозяинъ“ насылаетъ падежъ на скоть, червей на огородъ, въ закромы крысъ и производитъ полнѣйшее разстройство во всѣхъ дѣлахъ нелюбимаго мужика, поселяетъ разладъ въ семейныхъ и общественныхъ его отношеніяхъ.

Слѣдствіемъ немилости домового считается неурожай въ полѣ и несогласіе въ семьѣ.

Вѣдь бываетъ же такъ, что въ ряду смежныхъ крестьянскихъ полосокъ на однихъ нивкахъ прекрасный урожай, а на другихъ изъ рукъ вонъ плохъ? Если кто изъ членовъ семьи не полюбитъ домовому, домовый нагоняетъ на него тоску, уныніе, нелюбимецъ заболѣваетъ, сохнетъ, какъ говорятъ „отъ стня“ на былинку, наконецъ умираетъ, такъ какъ пришлось не по двору. Такъ знахари, пользовавшіе больного, объясняютъ роднымъ причину его смерти.

А то на домового нападаетъ духъ рѣзвости и дикой шалости. Въ одномъ крестьянскомъ дворѣ домовый разбросалъ на дворѣ всѣ вещи и до того распалился, что мальчика, спавшаго въ телѣгѣ, закинулъ въ ближній оврагъ и хворостомъ забросалъ; а, впрочемъ, сдѣлалъ это весьма осторожно: мальчика нашли въ хворостѣ спавшимъ преспокойно.

Такъ какъ домовой очень капризентъ, то трудно объяснить причину его симпатій и антипатій, трудно понравиться ему и легко бываетъ, наоборотъ, разсердить его до крайности и нажать въ немъ опаснаго врага.

Но есть вещи, которыхъ домовой положительно не любитъ.

Домовой терпѣть не можетъ шума и брани, неряшливости, нечистоплотности, нечистоты, небрежной неаккуратности въ работѣ. Особенно надо осторожно держать себя въ хлѣвѣ, на смятѣ, на дорожкахъ, и въ полдень слѣдуетъ остерегаться брани, крупнаго разговора, клятвы въ особенности. Въ полдень сбывается клятва матери. Не отъ того ли это, что въ полдень домовый почиваетъ вѣршкимъ сномъ, а если разбудить его и потревожить, то онъ не въ духѣ и злится?

Иногда домовой бываетъ очень обидчивъ: не понравится ему какое-нибудь слово, онъ въ потьмахъ, въ опасномъ мѣстѣ, пихаетъ подъ колѣно, спшибаетъ съ ногъ и дѣлаетъ калѣжкой. Хотя молитвы къ домовому никогда не сопровождаются крестнымъ знаменіемъ, домовой терпѣть не можетъ, чтобы его называли чернымъ именемъ „чортомъ“.

Вотъ случай. Крестьянинъ, выходя изъ дому по первой порошѣ, замѣтилъ огромный слѣдъ, отпечатавшійся на снѣжку. Идя слѣдомъ, крестьянинъ пришелъ прямо къ рѣчкѣ. Слѣдъ дальше не пошелъ. Идущій точно спрятался въ воду, точно потонулъ. Призадумался крестьянинъ, почесалъ затылокъ: „ти домового, ти чорта якого понесло въ воду?“ Тутъ же крестьянинъ почувствовалъ себя нехорошо и расхворался.

Болѣзнь прошла только тогда, когда знахарь обсыпалъ больного овсомъ и хмелемъ и сдѣлалъ относъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ незаслуженно оскорбленъ домовый и названъ чернымъ именемъ.

Вотъ молитва отъ болѣзни, отъ брани происшедшей, пѣлительная и для скотины и для человѣка.

Хазяинъ батюшка домовый и хазяюшка матушка домовая! Хазяинъ батюшка лѣсовая и хазяюшка матушка лѣсовая! Хазяинъ батюшка водяной и хазяюшка матушка водяная! Хазяинъ батюшка палевоый и хазяюшка матушка палеваая!

Простите мене, грѣшную и недостойную.

(Кланяются на всѣ четыре стороны).

Помогите и пособите отъ внутреннихъ наносныхъ и отъ нудныхъ переговоровныхъ; дайте добраго здоровья (Больного умываютъ наговорною водою).

Принося относъ домовому (крайчикъ хлѣба и соль въ бѣлой тряпочкѣ) становятся на колѣни и говорятъ:

„Хазяинъ батюшка частной дамавой! Хазяюшка матушка частная дамаваая! Вотъ я вамъ хлѣбъ-соль принесъ—примитя. Можить іонъ сказалъ глупыя слова, можить іонъ (больной) васъ унизиў, можить іонъ призвѣў ничистату у хлѣви. Праститя яму! Примитя хлѣбъ-соль и биригитя стѣтѣъ и падворья“.

Относъ домовымъ кладутъ на ворота, на шула, подъ повѣтъ.

Не только бранью можно обидѣть домового, но совершенно случайно его можно оскорбить и дѣйствиємъ. У одного крестьянина отлично велись лошади, потому что по ночамъ за ними ухаживалъ домовый. Сосѣдъ завидовалъ крестьянину и, зная, что домовый виновникъ его счастья, посоветовалъ сосѣду подстеречь вора, который ночью бродитъ по его хлѣвамъ.

Крестьянинъ засѣлъ въ уголку хлѣва и, замѣтивъ домового, хлопотавшаго около лошадей угодилъ ему полѣномъ въ бокъ. Разобиженный домовый пересталъ быть радѣтелемъ хозяйскаго добра и во всемъ вредилъ мужику: лошади и коровы стади хворать, начался падежь телятъ и пошли разныя неудачи по хозяйству.

Мѣстопробываніемъ домовыхъ-хлѣвниковъ считаются сметытища и дорожки;

поэтому на этих мѣстахъ рекомендую быть въ особенности осторожнымъ: не браниться, наблюдать чистоту.

Одна баба вышла изъ хаты въ полночь, постояла на смятьѣ и вернулась въ хату, чувствуя ужасную боль въ поясницѣ и лому во всемъ тѣлѣ. Боль все усиливалась, и баба обратилась за помощью къ Руднянскому дѣду Родькѣ. Дѣдъ Родька первымъ дѣломъ спросилъ: „Не пристоила ли ты, Малашка, на смятьѣ?“

— Ну, да виновата, дѣдичка!

Дѣдъ погрозилъ пальчикомъ и таинственнымъ шепотомъ съ значительной важностью произнесъ:

„Етыга, братъ-мыладухъ, хозяйнѣ надужа-то любить: на то іость углушки. Ну, пайдемъ са мной на дарожку“.

Дѣдъ захватилъ съ собой отнесь: краюшку хлѣба, завернутую въ чистую тряпочку. Отнесь дѣдъ положилъ на шуло, бабу поставилъ лицомъ къ востоку, а самъ сталъ на колѣнки на мѣстѣ, оскверненномъ бабою, билъ челомъ и усердно упрашивалъ хозяина-домового больше не гнѣваться и простить неразумную по ея глупости. Послѣ этого бабѣ какъ будто стало лучше.

Домовые иногда наказываютъ самоувѣренныхъ людей, которые хвалятся, что не боятся никакого страха. Это задѣваетъ гордость домового, и онъ какую нибудь выходкою напоминаетъ о своемъ существованіи и смиряетъ зазнавшихся.

Крестьянка деревни Рудни, Авдотья Тимоѣева, хвалилась, что не боится домовыхъ и утверждала, что домовые не существуютъ.

Въ ту ночь Авдотью Тимоѣеву кто-то рванулъ за грудь очень больно, чуть сосокъ не отвинтилъ, даже грудь почернѣла; Авдотья Тимоѣева „съ папугу“ и отъ боли съ мѣсяць прохворала.

Надъ одной почтенной женщиной зло подшутилъ домовый, хотя она за собой и не знала никакой вины: ночью во время сна домовый рванулъ ее за волосы и такъ больно, что она проснулась. На слѣдующій день старушка принялась чесать волосы и вычесала двѣ трети волосъ, по ея мнѣнію, выдернутыя домовымъ.

Вообще, многія болѣзненные и непріятныя ощущенія во время сна приписываются вліянію и дѣйствіямъ домовыхъ.

Одна дѣвушка подъ Ельней имѣла смѣлость спать одна въ клѣтѣ. За такую смѣлость она была похищена домовымъ; къ тому же еще, быть можетъ, она домовому и понравилась. Съ дѣвушкой домовый захватилъ ей принадлежавшій сундукъ съ добромъ. Вереть за тридцать домовый увезъ дѣвушку, сундукъ поставилъ около дуба, а плѣнницу все водилъ на одномъ мѣстѣ

около дерева. Дѣвушка черезъ нѣсколько дней найдена была цѣлою и невредимою, и изъ сундука ничего не было похищено.

Нельзя винить своего домового во всѣхъ непріятностяхъ, во всѣхъ внезапныхъ убыткахъ и потеряхъ, „пошастяхъ“, какъ выражается народъ; нельзя приписывать своему домовому всѣ шалости и проказы во дворѣ, Богъ знаетъ, отчего происходящія, однако, подчасъ очень непріятныя и ошутительныя: свой домовый бываетъ часто тутъ не при чемъ.

Домовые, какъ и люди, дерутся и ведутъ между собою отчаянную борьбу.

Какая причина борьбы домовыхъ, ихъ взаимныхъ ссоръ и дракъ? Дѣло въ томъ, что въ каждомъ домѣ, въ каждомъ подпечкѣ избы можетъ жить только одинъ домовый; если же задумаетъ въ этомъ домѣ поселиться другой, то между ними всегда происходитъ борьба, которая кончается тѣмъ, что побѣжденный чужой домовый уходитъ изъ дому во-своися, или же чужакъ, вытѣснивъ мѣстнаго домового, поселяется жить въ чужомъ домѣ, не забывая и своего хозяйства.

Наброжій домовый или хлѣвникъ, такъ сказать, насильникъ, не бываетъ прочителемъ и радѣтелемъ чужого двора, въ которомъ чаще всего онъ ставитъ все кверху дномъ. А напуганный безпорядками въ домѣ хозяинъ обыкновенно не рѣшается объявить открытую войну наброжему домовому или хлѣвнику изъ опасенія всякихъ непріятныхъ случайностей, болѣзни и даже смерти; онъ обращается за совѣтомъ и непосредственною помощію къ знахарю, посвященному въ тайны бытія домовыхъ, лѣсовыхъ, полевыхъ и водяныхъ, хорошо понимающему ихъ взаимныя отношенія и отношенія этихъ „хозяиновъ“ къ людямъ.

Привожу молитву знахарей, чтобы хозяинъ домовый и хозяйюшка домовая сохранили скотъ отъ наброжихъ хлѣвниковъ и хлѣвницъ.

„Дамавой хазяинъ и дамавая хазяюшка, прашу васъ—упрашиваю, малю васъ—умаливаю, што у етымъ доми живитя и животныхъ ни абиждайтя: коней и кароў,—кармита, пайтя и приглядитя, а нахожихъ и наброжихъ хлѣвниковъ и хлѣвницъ, и дамавиковъ и дамавицъ да етыва хлѣва ни дапускайтя—и вѣдьмыѹ калмыкыѹ и калдуноѹ чаріѹникоѹ, вѣдьмыѹ калмыцыѹ и калдуницъ чараѹницыѹ да етыва дома ни дапускайтя, што яны падносы падносятъ и падыклады падыкладаютъ и ѹ благачастивымъ доми скотъ умаляютъ.

Вы, вѣдьмы калмыки, калдуны чаріѹники, выбирайтя зъ благачастивыга дому свае падносы паднасяціи и падыклады падыкладаціи.

Вѣдьмы калмыки и калдуны чарыѹники, выхадитя изъ благачастивыга дому у шары бары, на тямны лясы, за мхи, за балоты, за ржаѹцы-болоты— а у етымъ доми ни трыгатца вамъ ни на маладику, ни на палнатѣ, ни на сходи витаха, ни на пирякрою мѣсица—ни бытъ имъ атрыгу, ни бытъ имъ пакрату“.

Село Иньково, Порѣчскаго уѣзда. Заговоръ изъ „Смол. Сборника“, стр. 213.

Вотъ приходитъ знахарь или колдунъ къ крестьянину въ неблагополучный домъ, съ важнымъ видомъ обходитъ усадьбу, хлѣва и всѣ закаютки построекъ, вглядывается, прислушивается, обдумываетъ что-то, беретъ сосудъ съ водою; пошептавши на воду и посмотрѣвши въ нее, объявляетъ, что въ домѣ хозяйничаетъ чужой домовый; онъ-то причина всѣхъ несчастій, онъ-то прогналъ мѣстнаго домового, который отдалился въ настоящую минуту и горько плачетъ, задивается горячими слезами по своему пепелищу. Его надо немедленно вернуть — и непременно.

Для этого колдунъ беретъ у хозяина дома край хлѣба, кусокъ сала и пару вареныхъ яицъ на отнoсь домовому; все это относится на распутье трехъ дорогъ. Домовой, отвѣдавши приношенія со своего двора, возвращается домой; подкрѣпившись пищей, онъ осиливаетъ наброжаго домового и прогоняетъ его; послѣ этого скотина начинаетъ поправляться и всѣ дѣла по хозяйству принимаютъ для хозяина благопріятный поворотъ. Если отнoсь не помогаетъ, колдунъ объясняетъ это тѣмъ, что приношеніе было слишкомъ мало, — надо отнести еще. А то знахарь беретъ воду изъ трехъ ключей и окропляетъ съ нашептываніемъ хлѣва, сообщая силы своему домовому и тѣмъ давая перевѣсъ надъ чужимъ, или просятъ сосѣда-хозяина положить на шулъ хлѣва отнoсь и отманить назадъ домового-насилъника.

Если въ полночь, во время всеобщей тишины и спокойствія, забраться въ хлѣвъ или овинъ, можно быть свидѣтелемъ драки домовыхъ, можно, пожалуй, принять активное участіе въ ихъ борьбѣ, только надо стараться не ошибиться и стать на сторону не чужого, а своего домового; а то, если обидишь хозяина, онъ воздастъ тебѣ сторицей.

Одинъ крестьянинъ ночью сидѣлъ въ овинѣ и разводилъ „теплѠ“, чтобы къ завтраму высушить хлѣбъ для молотѣбы. Пригрѣвшись отъ огня онъ немного вздремнулъ. Вдругъ сквозь сонъ мужикъ услышалъ страшную возню на току и открылъ глаза. Тамъ дрались двѣ кошки. Крестьянинъ швырнулъ въ нихъ метлой; но въ ту же минуту кто-то ударилъ его по спинѣ лопатой. Боль ощущалась такъ сильно, что крестьянинъ еле-еле живой дотащился домой и съ тѣхъ поръ сталъ больнымъ человѣкомъ.

Кто же это нанесъ ударъ крестьянину?

Конечно, домовый, обернувшійся кошкой и обидившійся, что хозяинъ попалъ въ него метлой въ то время, когда онъ хотѣлъ побѣдить сосѣднаго домового.

И сами домовые любятъ вмѣшиваться въ людскую драку и ссору, принимая большею частію сторону хозяина. „Въ своемъ домѣ углы помогаютъ“, говоритъ пословица.

Бываетъ, что по ошибкѣ домовой беретъ сторону чужого. Иногда въ толкотнѣ, въ случаѣ паденія одного изъ толпящихся, и въ драгѣ, въ случаѣ неуспѣха и пораженія, домашніе съ неудовольствіемъ замѣчаютъ, пеня на домового: „Чортъ суиь усё нашими, а ни чужими“.

Домовой вступается также за право старшаго во дворѣ: „идѣ старый варчить, тамъ богъ тарчить“; „Старага пубранка двару пупраўка“.

Брань старика, какъ мы видимъ изъ послѣдней пословицы, идетъ не во вредъ, а на пользу двору.

Домовой весьма чутко относится къ несчастью хозяина двора; кромѣ того, онъ дальнорокъ, ясновидящъ, и потому онъ часто предупреждаетъ домохозяевъ о всевозможнаго рода несчастьяхъ.

Передъ крупною бѣдой домовой плачетъ, стонетъ; въ полночь, среди всеобщей тишины, можно слышать такіе стоны; они служатъ печальнымъ предвѣстіемъ.

Домовой часто предсказываетъ будущее, извѣщая стукомъ въ дверь или стѣну избы; онъ же является передъ бѣдой или переселеніемъ хозяину или близкимъ его: роднымъ, слугамъ.

Иногда домовой-предсказатель душитъ спящаго, преболно сжимая горло, а то онъ владетъ на него свою руку; если рука косматая и теплая—это къ счастью, прикосновеніе голой и холодной рукой предвѣщаетъ бѣду.

„Только что я легла“, рассказываетъ одна женщина: „и, помню хорошо, не спала; вдругъ слышу—отворяется дверь, и кто-то потихоньку пробирается къ постели, навалился на меня и начинаетъ душить. Я почему-то не испугалась и спросила у него, доброе или нехорошее предвѣщаетъ его появленіе—такъ совѣтовали мнѣ поступить—и получила отвѣтъ: недоброе! Вскорѣ послѣ этого у меня умеръ мужъ“.

Женщина страдала главною болѣзнію. Ночью видитъ: вошелъ въ избу старый другъ и прямо идетъ къ ней. Та, угадавъ, что это домовой, спросила его: „къ добру ты это пришоль или къ худу?“ Домовой отвѣтилъ: „къ худу!“ И вотъ глаза начали болѣть день ото дня все сильнѣе и сильнѣе. Теперь она сдѣлалась совѣмъ слѣпая и сама рассказывала про случившееся съ ней лѣтъ десять тому назадъ.

Если домовой молчитъ и не сообщаетъ человѣку ничего о предстоящей ему участи, домового можно допросить и узнать отъ него истину,—только стоитъ прибѣгнуть къ слѣдующему приему.

Если больной долго не выздоравливаетъ, и роднымъ хочется узнать, умретъ онъ или нѣтъ, то колдунъ совѣтуетъ сдѣлать такъ: самый близкій больного долженъ, садясь вечеромъ ужинать, взять небольшой кусокъ хлѣба и, откусивъ одинъ разъ, держать его въ крѣпко сжатомъ кулакѣ лѣвой руки

цѣлый ужинъ, а потомъ пойти на распутъе двухъ дорогъ и прилечь къ землѣ: если послышится плачь, то больной умретъ, а если веселое гвѣние, то, значитъ, больной будетъ здоровъ.

Есть натуры въ особенности склонныя къ предчувствіямъ. Анастасія Наумовна, Наѹмиха, какъ ее зовутъ мужики, женщина очень нервная. Наумиха увѣряетъ, что передъ смертью знакомаго или родственника ей часто является кто-то, стучится подъ окно и увѣдомляетъ о смерти родственника.

Разъ, сообщила мнѣ Наумовна, слышу сквозь сонъ: стучить въ окно кто-то, будто моя племянница:

— Тѣть, а, тѣть! атвари!

— Сейчасъ!—говорю.

Потомъ я спохватилась, что не надо неизвѣстному ничего ночью отвѣчать.

Можетъ быть, это видѣніе какое, подумалось мнѣ, я и замолчала. Потомъ сейчасъ послѣ этого стоять, наклонясь ко мнѣ, Арина Почкавиха (все, замѣтите, присдавалось мнѣ):

„Кума Анастасья! Уставай: святыхъ несутъ“.

Я спрашиваю:

„Гдѣ? Что? Что ты это говоришь!“

А черезъ полчаса стучится въ дверь Софья Егорушкина и оповѣщаетъ, что Артемова жена приспала дѣвочку. Другой разъ тоже во снѣ стучится ко мнѣ женщина:

„Теть, отвори!“ Я молчу и не открываю. „А если не отворишь, другимъ разомъ найду“. Черезъ недѣлю заѣзжаетъ прохожій десятникъ и привозитъ больную женщину, а черезъ нѣсколько дней больная умерла. Послѣ стука въ окно мнѣ казалось, что должна умереть моя внучка, которая сильно хворала; умерла, да не та, на которую думалось.

Еще я жила на старомъ дворѣ. Дѣвочка моя была очень больна. Была темная осенняя ночь. Я пошла въ амбаръ за перинкой. Темно ни зги не видно. Вижу, что стоитъ среди двора кто-то такой бѣлый. Я не могла разглядѣть, женщина или муцина, только онъ стоялъ въ бѣломъ. Какъ будто морознымъ (вѣянемъ) потянуло на меня, ошибъ страхъ. Пришла въ хатку. И страшно мнѣ, и въ сонъ клонить. Сижу около больной дѣвочки и боюсь въ окно смотрѣть, а гляну случайно: все тотъ бѣлый стоитъ. Самой до смерти страшно, а дочери, небольшой дѣвочкѣ, сидѣвшей со мною, боюсь напугать ее. А она сама спрашиваетъ:

— „Мамъ, кто это въ бѣломъ стоитъ?“

Меня вынуло въ сонъ. Передъ свѣтомъ его не стало. Дѣвочка моя, больная оспою, разъ утромъ взглянула, тѣмъ и жизнь кончила“.

Наклонность къ видѣніямъ Анастасіи сообщилась ея супругу Макару, Анастасія и Макаръ—натуры, представляющія полный контрастъ.

Анастасія женщина очень впечатлительная и тонко чувствующая. Характеръ у нея сильный и очень сосредоточенный; даромъ она слова не скажетъ. Съ дѣтства Анастасія прислуживала у господъ, ея языкъ и способъ выраженія нѣсколько отличенъ отъ крестьянскаго; рѣзкихъ выраженій она никогда не употребляетъ—стыдится. Никакихъ суевѣрій у нея нѣтъ, только передъ смертью родного или сосѣда ей кто-то въ бѣломъ приседаетъ и въ окно стучитъ, и заговариваетъ, точно знакомый человѣкъ. Мужъ Анастасіи Макаръ получилъ за свой характеръ прозваніе „шалѣный“. Макаръ смѣлъ и никакимъ суевѣріямъ не вѣритъ, называя ихъ прихотями и бабскими забабнами. Онъ страстный охотникъ и отличный ѣздокъ: его рысиные небольшіе сѣрые глаза и ночью въ темнотѣ дорогу разбираютъ. Жизнь обоихъ супруговъ сложилась сносно лишь благодаря настойчивости Анастасіи, умѣющей сдерживать порывы Макара и сумѣвшей мало-по-малу пересоздать буйный, почти сумасшедшій характеръ мужа. Теперь Макаръ не бьетъ Анастасью, чувствуетъ къ ней большое уваженіе и называетъ ее Синодчицей. Суевѣріе Анастасіи немного сообщилося Макару.

Макаръ, въ качествѣ ямщика, ѣхалъ порожнякомъ къ станціи. Не доѣзжая версты три, на мѣстѣ, называемомъ „половинникомъ“, онъ увидѣлъ женщину въ ослѣпительно бѣлой одеждѣ, „нельзя со снѣгомъ разобрать“.

Не только Макаръ, но и лошадь его испугалась—споткнулась отъ испуга, а у Макара отъ страха шапка съ головы свалилась. Макаръ окончательно поддался страху и гвалъ лошадей такъ сильно, что у нихъ ноотлетѣли подковы. На другой день около половинника нашли Макарову шапку. Объ этомъ Макаръ вспоминать не любитъ и очень сердится, когда обратятся къ нему съ вопросомъ:

«Макаръ, а что ты видѣлъ на половинникѣ?»

Крестьянка села Данькова Оекла Марковна, старуха лѣтъ шестидесяти, служить няней въ одномъ знакомомъ помѣщичьемъ семействѣ. Однажды вечеромъ Марковна подняла тревогу: какой-то человѣкъ, какъ ей показалось, стоялъ на крыльцѣ дома. По набраннымъ свѣдѣніямъ никто къ крыльцу не подходилъ—слѣда никакого около крыльца не было (дѣло было зимою) и всѣ домашніе въ то время были въ комнатѣ. Черезъ недѣли три въ томъ домѣ былъ покойникъ, Марковна тогда замѣтила, что тревогу она поднимала недаромъ, что дѣйствительно она видѣла, видѣла его (домового) передъ смертью одного изъ жильцевъ дома.

Та самая почтенная старушка, которая, какъ я писалъ выше, полагаетъ, что она по милости домового лишилась доброй части волосъ, эта старушка

видѣла другой разъ домового или, выразимся вѣрнѣе, испытала прикосновеніе его руки. Подошелъ онъ къ ней во время сна и положилъ на плечо руку, рука была теплая. Старушка невольно спросила: „къ добру или къ худу?“ Домовой отвѣтилъ: „Къ добру, къ добру, къ добру!“ Послѣ этого въ жизни старушки произошло много перемѣнъ.

Домовой является также передъ переселеніемъ хозяину или кому-нибудь изъ близкихъ его. Приводятъ примѣръ. Кучеру показалось, что хозяинъ его ходитъ по конюшнѣ, а хозяина въ то время и дома не было. Скоро хозяинъ переселился.

У народа существуетъ оригинальный взглядъ на присыпанье. Присыпанье младенцевъ народъ объясняетъ тѣмъ, что приспаннаго похищаетъ домовой, а вмѣсто него кладетъ чурбанъ. Женщина должна особенно опасаться седьмой и семнадцатой недѣли послѣ родовъ: если она въ это время ложась спать забудетъ перекрестить ребенка или, по неосторожности, произнесетъ слово „чортъ“, то черти возьмутъ ребенка, а вмѣсто него положатъ въ люльку „болванъ“ (обрубокъ дерева). Унесенные домовыми возвращаются тогда, когда на домовыхъ повліяютъ отнoсы и усердныя молитвы. И неохотно домовые возвращаютъ похищенныхъ. Присыпанье въ слѣдствіе такого взгляда на него не считается зависящимъ отъ неловкости матерей; въ немъ, по мнѣнію народа, есть что-то роковое, неизбѣжное. Одна крестьянка была несчастлива тѣмъ, что все присыпала своихъ дѣтей. Чтобъ не приспать свою старшую дочь, она не ложилась спать съ нею даже тогда, когда та спала уже взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, пріѣхала въ гости къ своей матери, которая ей и говоритъ:—“Дочушка, ни разу я съ тобой не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ!“ Та согласилась; къ несчастью, она и эту дочь приспала.

Похоронили ее, и мать долгое время была безутѣшна. Какъ-то, проливая слезы, она пошла въ поле и слышитъ голосъ: „Поди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣсню, стань въ притвори у дверей; въ это время будутъ выходить изъ храма всѣ черти, между ними будетъ стоять и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать. Женщина сдѣлала такъ, какъ повелѣлъ ей голосъ, и привела дочь свою невредимую“.

Въ вышеприведенной сказкѣ мы встрѣчаемъ безсознательное смѣшеніе домовыхъ съ чертями, хотя, какъ мы выше говорили, домового нельзя называть чортомъ и домовой мститъ, если называть его „чернымъ именемъ“.

Мнѣ случилось встрѣтить въ нашей мѣстности такой же взглядъ на смерть, какъ и на присыпанье. Взрослая дѣвушка, указывая дѣтямъ на тѣло

умершаго сказала имъ: „вашею родноу украли, а вмѣсто него покойника положили“. Чортъ или домовоу кладеть своихъ дѣтей въ пустую люльку. Считается грѣхомъ колебать пустую люльку; кто это дѣлаеть, тотъ колышетъ чорта. Кто, сидя, трясеть колѣномъ, тотъ тоже дѣлаеть нехорошо: „чорта тѣшитъ“, „чорта колышетъ“.

По мнѣнію народа, умершіе въ домѣ становятся домовыми этого дома. А такъ какъ домъ не можетъ быть безъ домового, то въ каждомъ ново-построенномъ домѣ кто нибудь да долженъ умереть и въ скоромъ времени: домъ безъ покойника не бываетъ. Люди пожилые не любятъ строиться, слѣдующа примѣтѣ: „какъ начнешь подъ старость строиться, такъ и помрешь, домъ обновить“.

Думаютъ нѣкоторые, что недавно умершіи живутъ на кладбищѣ и сторожить кладбище, пока кого-нибудь не похоронятъ послѣ него; эти-то недавно умершіе и являются въ дома, гдѣ есть кандидаты, готовые смѣнить ихъ.

Около старыхъ крестьянскихъ усадебъ часто растутъ огромныя сосны, липы, березы и дубы; крестьяне берегутъ такія деревья изъ боязни навлечь гнѣвъ какого-то сверхъестественнаго существа, вѣроятно, домового, которому не нравится вырубка вѣковыхъ „подселибныхъ“ деревьевъ, измѣняющая видъ усадьбы. Въ селѣ Даньковѣ и деревнѣ Шаталовѣ ни одинъ крестьянинъ не рѣшится срубить старое дерево подлѣ дома или гумна, ибо многіе, рѣшившіеся на это, по преданію, или поумирали или долго были больны. См. «Смоленскій Сборникъ».

Не одними старинными усадебными деревьями дорожили крестьяне Смоленской губерніи. Какъ пишетъ Цебриковъ (Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранныя офицерами генеральнаго штаба. Штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ). Они дорожили также огнемъ домашняго очага и его принадлежностями и связывали съ ними свое благополучіе:

„При устройствѣ новаго жилья, огонь переносится непременно со стараго очага: безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ и т. д., какъ это дѣлають переселенцы изъ Смоленской въ многоземельныя губерніи. При свадьбахъ, когда приведутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны вѣхатъ въ домъ чрезъ огонь, который разводится предъ воротами, стр. 262.

На свадебныхъ булкахъ „курникахъ“, Сычевскаго и Бѣльскаго уѣзда дѣлается изображеніе пѣтуха, символа свѣта и огня, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, огня домашняго очага, прогоняющаго злыхъ духовъ мрака.

Я слышалъ также, что при переселеніяхъ крестьяне Смоленской губер-

ни запасались родной земелькой, взятой изъ усадьбы, и возили ее въ пла-точкахъ на чужбину.

— „Что это у васъ въ узелочкѣ?“

— Земелька, со двора земелька?

— „Для чего-жъ вамъ она?“

— Для здоровья спользительна. Переѣдешь въ другую сторонушку чужую—тамъ инѣи климаты, тамъ и вода для нашего брата большую уряду можетъ дѣлать; а какъ всыпишь родной земельки въ воду, такъ никакая вода тебѣ ни почѣмъ.

Изумительная любовь у крестьянина Смоленскаго уѣзда къ своему домику, къ своей мѣстности, къ своей деревенькѣ. Ко мнѣ приходитъ часто по дѣламъ и такъ по знакомству мой кумъ и пріятель крестьянинъ деревни Самохатовки Яковъ Наливочкинъ. Мой кумъ очень любознателенъ; онъ часто спрашиваетъ меня какъ живутъ въ Сибири, на югѣ Россіи и въ другихъ земляхъ. Чтò читалъ и чтò слышалъ, я рассказываю—рассказываю о земляхъ богатыхъ, съ климатомъ хорошимъ и теплымъ. Разговоръ обыкновенно оканчивается замѣчаніемъ кума:

— А усѣтаки, кумъ, я думаю, что супрати нашей земельки, супрати нашей мѣстности нїйдѣ во всемъ мірѣ ни найдешь.

Высшее счастье для домовитаго мужика нашей мѣстности орать свою земельку, водить пчелишекъ, да честно поминать своихъ предковъ, своихъ домовыхъ, справляя тризну на ихъ могилкахъ, съ краснымъ яичкомъ и доброй выпивкой, принося по достатку и горѣлочку и медокъ, пироги, лепешки, блины, кисель съ молокомъ, кашу грецкую, кашу просяную, лапшу, яешню, поросятину жареную, говядину отварную, кутью, квасъ, табачекъ, если предки были табаконюхи.

Перехожу къ описанію тѣхъ явленій, связанныхъ съ именемъ домовыхъ, которыя совершаются въ домѣ тогда, когда въ немъ есть покойникъ.

Иной разъ домовой, какъ будто помимо своей воли, причиняетъ людямъ безпокойство: въ домѣ ночью слышатся звуки, необъяснимые естественными причинами, происходятъ странныя свѣтотыя явленія: вдругъ покажется огонекъ, мигнетъ и исчезнетъ; нѣкоторымъ этотъ огонекъ виденъ, а другимъ нѣтъ.

Вотъ недавно Максимъ Антоновъ, крестьянинъ с. Данькова, слышалъ ночью подлѣ своей кровати шелестъ вѣника—мететъ кто-то подлѣ него хату, а никого не видно: луна въ достаточной степени, чтобъ разобрать свѣтила. Максимъ Антоновъ тотчасъ понялъ, что это домовой; однако, ему непріятно стало, будить домашнихъ не хотѣлось и стыдно было, онъ помялся, помялся на боку, почесалъ затылокъ, закурилъ трубочку и пошелъ на гумно.

Необыкновенныя явленія въ хатѣ происходятъ въ особенности тогда, когда въ ней лежитъ покойникъ, скоропостижно умершій, удавленникъ, убитый;—такіе покойники свята и чужимъ, и близкимъ, выясняя причину своей смерти, обиду или неудовольствіе на кого-либо. Это наводитъ страхъ на людей, находящихся вблизи мертвого тѣла.

Приказчикъ одного сосѣдняго имѣнія захотѣлъ на славу угостить своихъ рабочихъ. Одинъ работникъ до того напился, что замертво упалъ ницъ и больше уже не проснулся; такъ его и оставили лежать до прїѣзда становаго. Объ мертвомъ и забыли, продолжали пировать; раздавались веселые голоса подгулявшихъ.

Вдругъ послышался какой-то звукъ, „фурчанье“. На средину стола вылѣтаетъ къ сотрапезникамъ какая-то темная птичка и стала порхать возлѣ стола. Всѣ переглянулись; кто-то сказалъ, что это Масейки Иванова душа, хотя это и безъ того подразумѣвалось. Нашелся смѣльчакъ ловить эту странную птичку; нашлись другіе, которые стали ловить ее съ большимъ ожесточеніемъ. Птичка фуркнула подъ лавку и пропала безъ слѣда, а куда—неизвѣстно, хотя и щели, повидимому, никакой не было.

— „Вить ета кажанъ!“ (Летучая мышь).

— Какой те кажанъ—падъ пузымъ у яго свѣтлинъка!

Работники продолжали обѣдать, однако, безъ шума и веселаго оживленія.

Самоубійцы еще безпокойнѣе—тѣ не даютъ покою близкимъ, свята, а если ихъ оживить, какъ это иногда случается съ удавленниками, то за это мститъ, надобѣдаетъ лицу, спасшему удавленника, какая-то сверхъестественная сила, во свѣ говоритъ какой-то голосъ:

„Зачѣмъ ты его спасъ? Зачѣмъ ты его увелъ отъ насъ?“

Самоубійцы изъ народа часто лишаютъ себя жизни около гуменъ и бань, ближайшихъ къ двору построекъ, которыя народное воображеніе населяетъ хлѣвниками, домовыми, гуменными. Объ самоубійцахъ народъ говоритъ: „чорту баранъ!“ называя ихъ жертвой какой-то демонической силы, будто водимые демономъ они и наложили на себя руку. По мнѣнію крестьянъ Рославльскаго уѣзда, если повѣсившійся достаетъ ногами землю, то это значитъ, что чертъ веревку затянулъ.

Колдуны при жизни получаютъ вдохновеніе отъ домовыхъ. Послѣ смерти они не перестаютъ заявлять о себѣ и не даютъ близкимъ покою: вещи въ хатѣ сами двигаются, происходитъ какой-то странный шумъ, повидимому, безъ всякой причины.

Чтобы избавиться отъ прудѣлокъ хотя и близкаго домового, дсмашніе и родичи рѣшались проткнуть осиновымъ коломъ тѣло мнимаго колдуна во гробѣ—послѣ этой мѣры хожденія домового по хатѣ прекращались. Покойная

вѣдьма Дундучиха изъ митюлей не давала житья невѣткамъ: тѣ застелютъ на ночь столъ скатертью и хлѣбъ положить, а въ утру все это очутится на землѣ; пробовала ужъ вѣдьма и на шеяхъ домашнихъ ѣздить.

Стали наблюдать ночью, кто дѣлаетъ безпорядокъ, и пришли въ заключенію, что это пошаливаетъ умершая хозяйка дома, вѣдьма, извѣстная во всемъ околоткѣ; она была похоронена на Шаталовскѣмъ кладбищѣ; пришли туда и съ заклятіемъ пробили вѣдьмѣ грудь осиновымъ коломъ. Тогда Дундучиха перестала шалить.

Умираетъ ли ребенокъ или старикъ въ крестьянскомъ семействѣ, умершаго безразлично называютъ „родителемъ“.

„Родителю“ оказываютъ такое же почтеніе, какъ и домовому и также боятся его.

„Родитель“, по вѣрованіямъ бѣлоруссовъ, принимаетъ живѣйшее участіе въ судьбахъ потомка: въ дѣлахъ, въ жизни, даже въ малѣйшихъ мелочахъ его хозяйства. Но все равно, какъ и домового, бѣда разгнѣвать родителя.

Положимъ, у крестьянина пропалъ топоръ, околѣла скотина; все это, быть можетъ, произошло отъ того, что мужикъ подъ пьяную руку оскорбилъ родителя дурнымъ словомъ или поступкомъ, или на раданицу справилъ ему плохой поминъ.

У крестьянъ Порѣчскаго уѣзда существуетъ такого рода повѣрье: если крестьяне не почтутъ раданицы или другого какого поминовеннаго дня, то родители (т. е. покойники) разгнѣваются на такихъ хозяевъ и наплетутъ на ихъ дома различныя напасти: падежъ на скотъ, пожаръ и проч. По поводу этого у крестьянъ сложилась даже поговорка: „покойникъ у воротъ не стоитъ, а свое возьметъ“.

Домовые часто упоминаются въ народныхъ сказкахъ и разсказахъ, въ заговорахъ и пословицахъ; они играютъ большую роль въ обычаяхъ и обрядахъ; имъ отведено мѣсто и въ народномъ календарѣ.

Мнѣ не приходилось слышать обширныхъ сказокъ о домовыхъ; мнѣ сообщались коротенькіе разсказы и сказочки, якобы о дѣйствительно случившемся, и часто лицами, которыя будто самолично видѣли домовыхъ и знакомы съ ихъ продѣлками.

Но въ нѣкоторыхъ сказкахъ, записанныхъ мною, черти являются съ характеромъ домовыхъ: они награждаютъ добродѣтельныхъ и наказываютъ порочныхъ. Не позднѣйшая ли это замѣна домовыхъ?

Болѣзни скота по преимуществу и нѣкоторыя болѣзни человѣка гнѣчатся относами домовымъ.

Молятся домовому, когда человѣкъ заболѣетъ отъ притки. Приткой въ народѣ называется нечаянная случайность, отъ которой произошло заболѣваніе

человѣка, причѣмъ, большею частію разумѣется случай психическаго характера. Притка часто дѣлается отъ гнѣва, испуга, вліянія глаза, смѣха, переговора—отъ всего этого можетъ, какъ выражаются, попричиться. Человѣкъ вспылитъ, а потомъ ему совѣстно за сказанное или сдѣланное; послѣ повышеннаго состоянія духа является пониженное, является страхъ, тоска, уныніе—иной расхварывается, считая, что за брань и за неосторожныя слова домовые посылаютъ на него болѣзнь. О заболѣвшемъ параличемъ отъ горя или какого нибудь внезапнаго потрясенія говорятъ, что онъ захворалъ отъ притки.

При сильномъ испугѣ, слѣдствіемъ котораго является злокачественная горячка, бредъ, больного лѣчатъ относами. Для этого наговариваютъ хлѣбъ, катаютъ этимъ хлѣбомъ по тѣлу больного и въ полночь отправляются съ хлѣбомъ въ глушь или на перекрестокъ; тамъ бросаютъ хлѣбъ и, возвращаясь обратно, по возможности стараются не оглядываться.

Вообще тѣ болѣзни лѣчатся относами домовымъ, при которыхъ замѣчается бредъ, болѣзненное состояніе духа, когда больной, по бѣлорусскому выраженію, „трызнитъ“, т. е. бредитъ.

На горячки и лихорадки существуетъ особое воззрѣніе. Горячки и лихорадки олицетворяются, представляются въ видѣ существъ живыхъ; имъ приписываются нѣкоторыя свойства домовыхъ.

Это особыя существа, которыя ходятъ по свѣту и поражаютъ людей. Выбранную жертву они называютъ по имени. Бѣда, если кто, проснувшись, откликнется на этотъ зовъ, непременно заболѣетъ (Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи Соловьева).

И домовые, по обще-распространенному мнѣнію, окликаютъ спящихъ передъ бѣдой, передъ болѣзнью; отвѣчаютъ имъ что нибудь опасно,—можно только предложить вопросъ: „къ добру или къ худу?“

Считается безнадежнымъ такое состояніе больного, когда въ груди у него играетъ „колоколець“ (сильная хрипота), и когда больному въ бреду представляются умершіе родичи. „Затрызнилъ ужъ покойниками, покойниковъ сталъ пригукивать, скоро самъ отправится къ родителямъ; знать, надо готовиться къ похоронамъ—шить рубаху“.

Лишайную сыпь, коросту лѣчатъ относами домовымъ. При чемъ замѣчено, что тотъ, кто поднимаетъ на перекресткѣ относимую вещь, неизбежно переноситъ на себя и болѣзнь. Въ Краснинскомъ уѣздѣ на перекресткахъ приходилось видѣть: горшки, узелочки съ наговореннымъ хлѣбомъ, вѣники, брошенные при проносѣ покойниковъ, старыя мѣдныя кольца, бѣрки, т. е. кусочки дерева съ вырѣзанными значками. Рѣдкій человѣкъ отважится взять въ руки эти вещи.

Объ исцѣленіи отъ ревматизма также упрасиваютъ домовыхъ. Въ сельцѣ

Кучеровъ, Ельнинскаго уѣзда, если человѣкъ заболѣваетъ вдругъ ломотой, то это находятъ, что онъ попалъ въ слѣдъ домового или лѣсового. Эту болѣзнь крестьяне с. Кучерова называютъ приткой. Лѣченіемъ отъ внезапной ломоты, отъ остраго ревматизма служить нашептанная знахаремъ вода, иногда и зерна разныхъ хлѣбовъ.

Это дѣлается такъ: больному даютъ мыться нашептанной водой нѣсколько зорь, напр., три, шесть, девять и двѣнадцать, иногда и обсѣваетъ его знахарь съ извѣстными словами. Мѣстомъ обсѣванья служить берегъ рѣки или ручья. Относять отnose, небольшой краецъ хлѣба, посыпанный солью и завернутый въ чистую вѣтѣшку.

Относы домовымъ, лѣсовымъ, полевымъ, моховымъ и водянымъ кладутся на перекресткахъ дорогъ: въ полѣ, на лугу или въ лѣсу; по мнѣнію народа, около этихъ пунктовъ собираются всѣ дѣхи, боясь двигаться впередъ, не рѣшаясь перешагнуть крестное знаменіе. Если идетъ по дорогѣ человѣкъ съ мыслями суетными, въ него входятъ домовые, лѣсовые или черти (домовыхъ, лѣсовыхъ часто называютъ народъ чертами) и слѣдуютъ далѣе, куда имъ нужно.

Въ южной части Рославльскаго уѣзда, къ Черниговской губерніи, въ Прыщевской волости, на перекресткахъ дорогъ становятся деревянные кресты, въ которые вдѣлываются иконы.

Кресты воздвигаются, по общаю, лицами, избавившимися отъ тяжкаго недуга или какой нибудь опасной случайности.

Въ народныхъ календарныхъ обрядахъ домовые играютъ большую роль.

Во всей Смоленской губерніи, особенно передъ постами во время заговинъ, домовыхъ призываютъ, кладутъ имъ относы, приношенія, называя ихъ и домовыми, и родителями.

У нѣкоторыхъ, особенно старыхъ хозяевъ Порѣчскаго уѣзда, существуетъ такой обычай. На заговинны, передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ ужинать, хозяинъ съ хозяйкою идутъ на дворъ, становятся у воротъ и говорятъ:

— „Царь домовой, царица домовица, съ малыми дѣтками, милости просимъ съ нами заговлять“.

При этомъ, не крестясь, кланяются до земли на всѣ четыре стороны и возвращаются въ хату ужинать. Поужинавъ, оставляютъ на столѣ кушанье и посуду, покрываютъ все это скатертью, для того, чтобы домовому съ домовихой было чѣмъ заговѣть. Нѣкоторые хозяева также поступаютъ и на Христовъ день и на Рождество.

Въ селѣ Тесовѣ, Сычевскаго уѣзда, 14 ноября, на заговинны выносятъ на дворъ закуску домовому, для того, чтобъ водился скотъ. Въ селѣ Даньковѣ, Смоленскаго уѣзда, угощеніе домовому ставится на верѣ, на шулъ, поддерживающемъ ворота.

Какъ мы уже сказали выше, чужой домовой вытѣсняетъ иногда своего, а домъ безъ своего домового существовать не можетъ, по крайней мѣрѣ, хозяйство не можетъ идти успѣшно. Чтобы приманить изгнаннаго домового и оградить хлѣвъ или домъ отъ наброжаго хлѣвника, знахари кропятъ дворъ водою, а на воротахъ ставятъ дѣдовникъ; это обыкновенно дѣлается наканунѣ Ивана Купала.

Нѣкоторые хозяева села Данькова, въ старину, вѣшали на углахъ хлѣва или конюшни различные амулеты: медвѣжью шерсть, медвѣжьи когти, головы, для того, чтобы скотъ велся хорошо, былъ сытъ и гладокъ, чужого глаза и насыльныхъ домовиковъ не боялся. Медвѣдники, водившіе медвѣдей въ старину, предлагали домохозяевамъ поскусть Мишку и воспользоваться его шерстью, какъ отличнымъ симпатическимъ средствомъ, а въ замѣнъ выпрашивали у хозяевъ для себя и Мишки угощенія: меда и хлѣба.

Есть безпкойные дворы, въ которыхъ, по милости насыльныхъ домовиковъ, и хозяйничать, и жить нельзя.

Я спрашивалъ у крестьянъ, могутъ ли знахари водворить спокойствіе въ такихъ домахъ. „Иногда могутъ, а иногда нѣтъ. Вотъ, если хозяинъ не отдастъ плотникамъ заслуженной платы, и они подшутятъ надъ домомъ, такъ ничего ужъ нельзя подѣлать: въ домѣ томъ никто жить не будетъ“.

Отъ г. Пряжевскаго, въ Смоленскѣ, я узналъ, въ чемъ состоитъ заклятіе плотниковъ.

Плотники, разгнѣвавшіеся на хозяина, вырубаютъ деревянную куколку и владутъ на третій вѣнецъ со словами:

„Титивинь, титивинь! Кто здѣсь будетъ жить, не давай ни днемъ, ни ночью покою, покажѣтъ тебя не одѣнутъ, не обуютъ и въ воду не пустятъ“.

У народа еще есть повѣрье, что хлѣвъ не можетъ существовать безъ змѣи. Часто скотники жалуются, что скотину укусила змѣя, и заявляютъ, что надо позвать знахаря. Иногда скотники жалуются, что ихъ самихъ укусила змѣя, когда они поворачивали солому и давали кормъ скоту; это не своя змѣя укусила, а чужая; а своя дворовая змѣя, та своего скотника и свой скотъ ни за что не укусятъ.

Главные домовые, царь домовой и царица домовица, распоряжаются не только дома, но и въ хлѣву, и въ банѣ, и на гумнѣ; но есть подчиненные имъ второстепенные домовые: банный, хлѣвникъ, гуменный (объ нихъ я буду говорить ниже).

Домовой любитъ мыться въ банѣ и париться вѣнникомъ. Въ полночь можно услышать иногда, какъ онъ крехтитъ на полѣв и сѣчетъ себя вѣнникомъ; въ это же время онъ дѣлаетъ замѣчанія относительно хозяйства, которыя хозяину не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію.

Издравле въ Смоленской губерніи существовалъ обычай, приуроченный къ чистому четвергу Страстной недѣли. Моются въ банѣ до восхожденія солнца, говоря, что и воронъ передъ этимъ днемъ купаетъ своихъ дѣтей. Нѣкоторые, отправляясь въ баню (лазню), берутъ съ собою маленькій камушекъ и становятся на него правою ногою во время обдаванья, камень этотъ сохраняютъ иногда до будущаго года. Выходя на полоть, приговариваютъ: „хрещеный на полоть, нехрещеный съ полка“. Выходя изъ бани, оставляютъ на полкѣ ведро воды и вѣнчикъ для „хозяина“ и, перекрестившись, произносятъ: „цебѣ, баня, на стоянье, а намъ на здоровье“.

Не разъ, бродя по живописнымъ берегамъ Хмары и Сожа, я находилъ курганы и городки, довольно большія возвышенія, имѣющія форму треугольника.

Въ курганахъ и городкахъ откапывали кости павшихъ воиновъ и военныя принадлежности: копья и стрѣлы.

Въ нѣкоторыхъ городкахъ жили и, по мнѣнію народа, сейчасъ живутъ богатыри. Богатырь Руднянскаго кургана—другъ и пріятель Городчанскому богатырю, своему ближайшему сосѣду; сосѣди перебрасываются табачными рожками. Руднянскій богатырь понюхаетъ табачку изъ рога и бросаетъ рожекъ съ табакомъ Городчанскому богатырю; Городчанскій отвѣчаетъ Руднянскому тѣмъ же. Акулинскій и Холощевскій богатыри—сосѣди и друзья-пріятели; они перебрасываются топорами.

Въ разговорномъ языкѣ народъ часто упоминаетъ имя домового, водяного, лѣсового, мохового и полевого.

О человѣкѣ, который самъ не спитъ и людямъ спать не даетъ, говорятъ: „ходить какъ домовый, ходить какъ не прикаянный!“

Охотникъ подходилъ къ вятютнямъ, сидѣвшимъ за копою хлѣба, и неожиданно показался и выстрѣдилъ около бабы, жавшей рожь и не замѣчавшей стрѣлка.

— „Ахъ, ты домовый! Какъ перепужалъ ты меня!“ —жаловалась испуганная баба.

Съ бабой случилась бѣда; она разсуждаетъ со своей подругой о постигшемъ ее горѣ.

— „И за что это на меня такая бѣда „навѣдilisъ?“ Ти домового, ти водяного, ти лѣсового ти мохового я разгнѣвала?“

Другая баба отвѣчаетъ: „Да, кумушка, роптаться не слѣдуетъ; коли живется, такъ модѣй и модѣй (живи понемногу); а прогонишь бога ти въ лѣсъ, ти въ мохъ, ти въ болото, не скоро его упросишь, не скоро его замолишь“...

— „Да ти ропталась же я, кумушка?..“
(и т. д.).

Разказы, слышанные въ дѣтствѣ, сообщаютъ суевѣрное направленіе уму, отъ котораго въ послѣдствіи трудно отдѣлаться. Одинъ семинаристъ сообщилъ своимъ товарищамъ, что онъ видѣлъ домового въ образѣ отца своего, несшаго мѣшокъ съ овсомъ кормить лошадей.

Общераспространенное повѣрье или, какъ выражаются, симпатія, если потеряешь какую нибудь вещь въ домѣ, чтобы найти ее, надо завязать черту (вѣрно домовому) бороду; завязать узелокъ въ платкѣ.

Вѣрованія въ домового принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ и крѣпкимъ вѣрованіямъ народа.

Многія суевѣрія и обряды, сопровождающіе домашнія и полевые занятія крестьянина тѣсно связаны съ именемъ домового.

Въ своихъ отношеніяхъ къ роднымъ, сосѣдямъ, чужимъ, крестьянинъ сообразовался съ извѣстною моралью, боясь разгнѣвать домового, насылающаго разнаго рода болѣзни и подающаго исцѣленіе отъ нихъ.

Не смотря на капризы и надоѣдливость домового, крестьянинъ полагаетъ, что безъ его присутствія въ домѣ порядка не будетъ, и хозяйство успѣшно вестись не можетъ.

Подъ вліяніемъ христіанства домовые постепенно изглаживались изъ народныхъ воззрѣній и становились силой темной, „чертами“; съ другой стороны, характеръ ихъ пересоздавался и приспособлялся къ новымъ апокрифическимъ воззрѣніямъ.

Въ сказаніяхъ о домовыхъ мы встрѣчаемся съ противорѣчіями. Домовые являются только набожнымъ и кроткимъ людямъ; отъ нихъ получаютъ свое вдохновеніе и творятъ свои добрыя дѣла знахари.

Другое о домовыхъ мнѣніе. Домовые—черти; съ ними водятся и при помощи ихъ колдуютъ колдуны, запродавшіе душу черту, отрекшіеся отъ христіанства и всего добраго. Домовые принадлежатъ къ непокорнымъ ангеламъ, низвергнутымъ Богомъ съ неба.

Домовые ходили на небѣ по пятамъ Бога, во все мѣшались—Богъ ихъ и прогналъ съ неба.

Но не по хорошему милъ, а по милому хорошъ, говоритъ пословица;—въ народѣ постоянно жило стремленіе облѣпить домового и избавить его отъ нареканій. Не этимъ ли объясняется его двойственный характеръ?

В. Н. Добровольскій.

